

УДК: 81'233:808.55

Дурдона АБДУАЗИЗОВА,

Доктор филологических наук, профессор, Университет Ориентал, Ташкент, Узбекистан

E-mail: jemchujina1970@mail.ru, ORCID:0000-0001-8389-8634

На основе рецензии д.ф.н., профессора НУУз. И. Сиддиковой

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК КОМПОНЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация

В статье исследуется роль паралингвистических средств (ПЛС) в формировании культуры речи на материале английской, русской и узбекской лингвокультур. Рассматриваются паракинетические (жесты, мимика) и парафонетические (интонация, темп, пауза) компоненты коммуникации в межкультурном аспекте. На конкретных примерах показано, что некорректное использование невербальных средств может стать причиной межкультурного конфликта. Обосновывается необходимость паралингвистической компетенции как компонента культуры речи.

Ключевые слова: Паралингвистические средства, культура речи, невербальная коммуникация, паракинетика, парафонетика, межкультурная коммуникация, лингвокультура, жест, интонация.

PARALINGVISTIK VOSITALAR MADANIYATLARARO KOMMUNIKATIV KOMPETENSIYANING TARKIBIY QISMI SIFATIDA

Аннотация

Maqolada ingliz, rus va o'zbek lingvomadaniyatlarida paralingvistik vositalarning nutq madaniyatidagi o'rni o'rganiladi. Muloqotning parakinetik va parafo-netik komponentlari madaniyatlararo nuqtai nazardan ko'rib chiqiladi. Og'zaki bo'lmagan vositalardan noto'g'ri foydalanish madaniyatlararo ziddiyatga sabab bo'lishi ko'rsatiladi.

Kalit so'zlar: Paralingvistik vositalar, nutq madaniyati, og'zaki bo'lmagan muloqot, parakinetika, parafo-netika, madaniyatlararo muloqot, lingvomadaniyat, imo-ishora, intonatsiya.

PARALINGUISTIC MEANS AS A COMPONENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

Annotation

The article investigates the role of paralinguistic means (PLM) in the formation of speech culture on the material of English, Russian, and Uzbek linguistic cultures. The parakinesic and paraphonetic components of communication are examined in the intercultural aspect. It is shown that the incorrect use of non-verbal means can lead to intercultural conflict.

Key words: Paralinguistic means, speech culture, non-verbal communication, parakinesics, paraphonetics, intercultural communication, linguistic culture, gesture, intonation.

Введение. Паралингвистические средства (ПЛС) — жесты, мимика, интонация, темп речи, паузы — формируют смысловое пространство высказывания наравне с языковыми единицами. Вопрос об их нормативном использовании приобретает особую значимость в условиях межкультурного взаимодействия, когда один и тот же невербальный знак может получать диаметрально противоположные интерпретации в разных лингвокультурах. Актуальность работы определяется тем, что сопоставительное изучение ПЛС на материале английской, русской и узбекской лингвокультур позволяет выявить зоны межкультурных расхождений и наметить пути формирования паралингвистической компетенции как неотъемлемого компонента культуры речи.

Целью статьи является сопоставительный анализ ПЛС в контексте культуры речи трёх лингвокультур с выявлением семантических расхождений и конфликтогенных зон. Исследование строится на методах сопоставительного и лингвокультурологического анализа с опорой на труды в области паралингвистики, культуры речи и межкультурной коммуникации.

Анализ литературы по теме. Проблематика паралингвистических средств в контексте культуры речи и межкультурной коммуникации получила разностороннее

освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Теоретические основы паралингвистики как самостоятельной дисциплины заложены в работах Г.В. Колшанского [Колшанский, 1974], А.А. Акишиной и Х. Кано [Акишина, Кано, Акишина, 1991], а также Т.М. Николаевой, впервые разграничившей паракинетические и парафонетические средства и описавшей их знаковую природу [Николаева, 1990]. Культура речи в её нормативном и коммуникативном измерениях системно разработана в трудах Е.Н. Ширяева и Л.К. Граудиной [Культура русской речи, 2000], а также И.Б. Голуб [Голуб, 2016], где невербальные компоненты рассматриваются как неотъемлемая составляющая речевой нормы. Лингвокультурологическое осмысление невербального поведения представлено в концепции «языка культуры» Т.М. Николаевой и Б.А. Успенского [Николаева, Успенский, 1987], а проблема знаковой универсальности и культурной специфики жестов — в классических работах Р.О. Якобсона [Якобсон, 1985]. Межкультурный аспект невербальной коммуникации детально разработан в исследованиях А.П. Садохина [Садохин, 2005] и Н.И. Формановской [Формановская, 2005], описывающих механизмы коммуникативных сбоев при контакте носителей разных культур.

Анализ и результаты. Культура речи определяется как владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при которых осуществляются выбор и организация языковых средств, обеспечивающих наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [1]. Е.Н. Ширяев уточняет: культура речи — это «такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определённой ситуации общения, при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [2].

Четырёхкомпонентная модель культуры речи включает нормативный, коммуникативный, этический и эстетический аспекты. Коммуникативный компонент предполагает владение как вербальными, так и невербальными средствами: культура речи, следовательно, напрямую связана с ПЛС. Как писал Цицерон: «Умение правильно говорить — ещё не заслуга, а неумение — уже позор» [3].

Паралингвистика занимается изучением незвуковых средств, включаемых в речевое сообщение и несущих информацию [4]. Различают парафонетические средства (ПФС) — интонацию, темп, паузы, громкость, тон — и паракинесические (ПКС) — жесты, мимику, телодвижения. Т.М. Николаева и Б.А. Успенский ввели понятие «язык культуры» — «совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, которые объективируют культуру этноса, выявляют её этническую специфику и отражают её взаимодействие с культурами других этносов» [5].

Р.О. Якобсон справедливо предупреждал, что «легко возникает наивное представление об универсальности тех или иных значимых жестов, а также движений головы и лицевых мышц» [6, с. 102]. Сопоставительный анализ подтверждает: за видимым сходством жестов нередко скрываются принципиальные семантические расхождения.

Жест «большой палец вверх» в английской, русской и узбекской лингвокультурах означает одобрение («всё хорошо»), однако в Нигерии, Австралии и ряде стран Ближнего Востока является оскорбительным. В Великобритании этот же жест служит сигналом автостоппика — коннотация, отсутствующая в русском и узбекском узусе.

Жест прощания также различается: в русской и узбекской культурах мах ладонью от себя, в английской и американской — поднятая ладонь с шевелением пальцами. Носитель русской или узбекской культуры, демонстрирующий привычный жест прощания американскому собеседнику, получит реакцию «Иди сюда» — прямо противоположный смысл. В болгарской культуре кивок головой означает «нет», а покачивание — «да», что создаёт конфликт при контакте с носителями английской, русской и узбекской норм.

Различны нормы проксемики. В Великобритании комфортная дистанция делового общения составляет около 120 см; в Узбекистане она может быть вдвое короче. Носитель английской культуры воспринимает «нарушение» дистанции как бестактность; носитель узбекской — поддержание увеличенной дистанции трактует как холодность [14].

Мимические нормы также культурно специфичны. В русской и узбекской культурах улыбка незнакомцу на улице не принята и воспринимается как странность; в английской и американской — является обязательным элементом вежливого поведения. Это расхождение порождает устойчивое взаимное непонимание: британцы

воспринимают русских и узбеков как «угрюмых», тогда как последние расценивают «обязательную» улыбку как неискреннюю.

В узбекской лингвокультуре жесты уважения занимают особое место. Традиционное приветствие с рукой на груди (салом), прикладывание обеих рук при выражении почтения (дуо), принятие подарка обеими руками — культурно маркированные кинесические единицы, отсутствующие в английском и русском этикете. Их игнорирование иностранным коммуникантом воспринимается как знак неуважения.

По наблюдению Р.О. Якобсона, «любая церемония, дипломатический приём, официальная встреча превращает поведение человека в определённую последовательность жестов, и любой участник подобных ритуализованных ситуаций вынужден считаться с тем, что всякое его движение может быть «прочитано» как жест» [6].

Парафонетические средства способны полностью изменить смысл высказывания, превратив его в противоположный. Высказывание «Николай же всё знает» / «Nikolay hammasini biladi» / «Nikolai knows everything» при нейтральной интонации является констатацией факта. Произнесённое с иронической интонацией (замедленный темп на ключевом слове, особый тональный рисунок, нередко — приподнятые брови), то же высказывание приобретает прямо противоположный смысл: «Николай думает, что всё знает, но на самом деле ничего не знает» / «Nikolay hammasini biladi, deb o'ylaydi, lekin aslida hech narsa bilmaydi» / «Nikolai thinks he knows everything, but in fact he doesn't know anything» [7, с. 89]. При этом маркеры иронии интонационно различаются: в английском ирония нередко передаётся восходящим финальным тоном, в русском — понижающимся тоном с растягиванием ударного слога.

Функцию завершения высказывания демонстрирует следующий пример. Незаконченная фраза «Мы Вас вчера ждали, но Вы...» / «Siz kecha bizda bo'lishingiz kerak edi, lekin...» / «We were waiting for you yesterday, but you...» с интонацией незавершённости сопровождается жестом разочарования — пожиманием плеч и разведением рук. Невербальные средства завершают высказывание и усиливают коммуникативный эффект упрёка [8].

Темп речи несёт различную прагматическую нагрузку в трёх культурах. В английском деловом дискурсе умеренный темп является нормой вежливости; ускоренный маркируется как признак взволнованности. В русской разговорной речи быстрый темп сигнализирует об эмоциональной вовлечённости и искренности. В узбекском речевом этикете при общении со старшими принят замедленный темп и пониженный тон как знаки уважения.

Паузы также культурно обусловлены. В английском деловом общении пауза длиннее трёх секунд воспринимается как неловкое молчание. В узбекской культуре пауза перед ответом, особенно при обращении к уважаемому человеку, является знаком обдуманности ответа и почтения; немедленный ответ может быть воспринят как нетерпеливость. Это различие нередко создаёт напряжённость при деловых переговорах: носитель английской культуры заполняет «паузу молчания» собеседника-узбека, не давая тому завершить мысленное оформление ответа.

Этический аспект культуры речи предполагает соблюдение норм языкового и неязыкового поведения в зависимости от возрастных характеристик коммуникантов, социального статуса, стиля общения, времени и места речевого акта [9]. В узбекской лингвокультуре этические

нормы паракинесического поведения при общении со старшими особенно жёстки: избегание прямого взгляда в глаза, покорная поза, сдержанная жестикация — признаки должной почтительности. Нарушение этих норм воспринимается как признак дурного воспитания. В английской культуре, напротив, прямой зрительный контакт при разговоре является нормой вежливости; избегание взгляда интерпретируется как уклончивость.

Рукопожатие является нормой для всех трёх культур в формальной ситуации, однако реализуется по-разному: в узбекской традиции оно сопровождается рукой на сердце или двуручным пожатием; в английской культуре объятие допустимо лишь среди хорошо знакомых; в узбекской — нормативно между мужчинами одной возрастной группы даже при менее близком знакомстве. Расхождение норм создаёт неловкость при первых контактах [12].

Невербальные средства коммуникации позволяют выразить чувства и показать уровень культуры. Главным показателем эмоционального состояния коммуниканта является выражение лица и мимика [10]. При этом интенсивность выражения эмоций строго регулируется культурными «правилами отображения» (П. Экман): в узбекской культуре демонстрация негативных эмоций перед старшими подавляется; в русской публичная демонстрация эмоций более допустима, чем в английской [11].

Выводы. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, ПЛС являются неотъемлемым компонентом культуры речи, непосредственно связанным

со всеми четырьмя её аспектами — нормативным, коммуникативным, этическим и эстетическим. Высокая культура речи предполагает не только соблюдение норм литературного языка, но и корректное использование невербальных средств.

Во-вторых, паракинесические средства (жесты, мимика) демонстрируют значительную культурную специфику при внешнем сходстве. Жест «большой палец вверх», жест прощания, нормы проксемики и мимики приветствия — все эти элементы при сопоставлении трёх лингвокультур обнаруживают семантические расхождения, потенциально конфликтогенные в межкультурном взаимодействии.

В-третьих, парафонетические средства (интонация, темп, паузы) реализуют смыслообразующую и завершительную функции по-разному в трёх лингвокультурах. Ироническая интонация, паузы молчания, темп речи несут различную прагматическую нагрузку в английском, русском и узбекском коммуникативном поведении.

В-четвёртых, обосновывается необходимость паралингвистической компетенции как составляющей культуры речи. Данная компетенция включает: а) знание норм ПЛС собственной лингвокультуры; б) осознание культурной специфики ПЛС иноязычной культуры; в) способность к корректной интерпретации и адаптации невербального поведения в ситуации межкультурного общения. Перспективы исследования связаны с разработкой методических рекомендаций по формированию паралингвистической компетенции в системе обучения иностранным языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб И.Б. Культура речи и стилистика. — М.: КноРус, 2016. — 448 с.
2. Ширяев Е.Н. Культура речи // Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М.: НОРМА, 2000. — С. 9–16.
3. Цицерон М.Т. Полное собрание речей. — Т. 1. — СПб.: Императорская Академия наук, 1901. — 524 с.
4. Николаева Т.М. Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 367–368.
5. Николаева Т.М., Успенский Б.А. К описанию некоторых кинесических знаков (семиотика ритуала) // Символ в системе культуры: сб. ст. — Тарту: ТГУ, 1987. — С. 60–76.
6. Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — 455 с.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
8. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. — М.: Русский язык, 1991. — 144 с.
9. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. — 560 с.
10. Пиз А. Язык телодвижений. — М.: Ай Кью, 1992. — 272 с.
11. Ekman P. Emotions Revealed. — New York: Times Books, 2003. — 267 p.
12. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. — 2-е изд. — М.: ИКАР, 2005. — 250 с.
13. Миккин Х. Коммуникативные движения лица // Труды по знаковым системам. — Тарту: ТГУ, 1980. — Вып. XII. — С. 85–103.
14. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. — М.: Высшая школа, 2005. — 310 с.